ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Глагольные и неглагольные средства выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках

Оздемир Сибель

Аннотация. Цель исследования – установить, как в русском, турецком и татарском языках формируется будущая референция при взаимодействии глагольных и неглагольных средств. Материалом послужили корпусные данные по девяти формам глаголов движения: рус. «пойду», «буду идти», «завтра иду»; тур. “gideceğim”, “giderim”, “gidiyorum”; тат. «барачакмын», «барырмын», «барам». В статье анализируются морфологические формы будущего времени, футуративное настоящее, темпоральные локализаторы и модально-дискурсивные маркеры. Научная новизна исследования состоит в том, что на корпусном материале трёх разноструктурных языков выявлена асимметричная зависимость между морфологической самостоятельностью глагольной формы и функциональной нагрузкой неглагольных средств. Установлено, что формы «пойду», “gideceğim” и «барачакмын» обладают более высокой степенью морфологической самостоятельности: они задают направленность на будущее, тогда как темпоральные локализаторы при них преимущественно уточняют, конкретизируют или сужают временную перспективу. Формы настоящего времени в футуративном употреблении – «завтра иду», “gidiyorum”, «барам» – получают значение будущего главным образом при поддержке временных наречий и контекста планирования. Форма «барырмын» в татарском языке, в отличие от категорического будущего «барачакмын», теснее связана с модально-дискурсивной интерпретацией и выражает не только будущую направленность, но и предположение, решение, согласие или отношение говорящего к будущему действию. В результате показано, что будущая референция в русском, турецком и татарском языках представляет собой многоуровневую функционально-семантическую систему, в которой морфология, временная локализация, модальность и дискурсивный контекст выполняют разные, но взаимосвязанные функции.

EN

Verbal and non-verbal means of expressing future reference in Russian, Turkish, and Tatar

Sibel Ozdemir

Abstract. The research aims to determine how future reference is formed in Russian, Turkish, and Tatar through the interaction of verbal and non-verbal means. The study is based on corpus data involving nine forms of verbs of motion: Russian “пойду”, “буду идти”, and “завтра иду”; Turkish “gideceğim”, “giderim”, and “gidiyorum”; and Tatar “барачакмын”, “барырмын”, and “барам” (‘I will go’, ‘I will be going’, ‘I am going tomorrow’). The article analyzes morphological future tense forms, the futurate present, temporal localizers, and modal-discursive markers. The scientific novelty of the study lies in the fact that, based on corpus material from three structurally diverse languages, an asymmetric dependence was identified between the morphological autonomy of the verb form and the functional load of non-verbal means. It was established that the forms “пойду”, “gideceğim”, and “барачакмын” possess a higher degree of morphological autonomy: they establish the orientation toward the future, while temporal localizers used with them primarily serve to clarify, specify, or narrow the temporal perspective. Present tense forms in futurate use – “завтра иду”, “gidiyorum”, and “барам” – acquire future meaning mainly through the support of temporal adverbs and the context of planning. The Tatar form “барырмын”, unlike the categorical future “барачакмын”, is more closely linked to modal-discursive interpretation, expressing not only future orientation but also suppositions, decisions, agreements, or the speaker’s attitude toward the future action. As a result, it is shown that future reference in Russian, Turkish, and Tatar is a multi-level functional-semantic system in which morphology, temporal localization, modality, and discursive context perform distinct yet interrelated functions.

Научная статья (original research article) | **https://doi.org/10.30853/phil20260231**

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью уточнить механизмы выражения будущей референции в языках различного строя. В современной лингвистике будущее время всё чаще рассматривается не только как система специализированных глагольных форм, но и как функционально-семантическая область, в формировании которой участвуют темпоральные локализаторы, модальные значения и дискурсивный контекст. Такая постановка вопроса особенно значима для сопоставительного анализа, поскольку в разных языках отнесённость ситуации к будущему может обеспечиваться не только морфологией будущего времени, но и формами настоящего времени, временными наречиями, контекстом планирования, намерения или модальной оценки.

Острота данной проблемы связана с тем, что морфологически ориентированное описание будущего времени не позволяет в полной мере объяснить реальные случаи будущей референции, в которых грамматическая форма сама по себе не является единственным или основным носителем будущего значения. Футуративные употребления настоящего времени показывают, что формы настоящего не могут отсылать к будущему без самостоятельного грамматического маркера будущего времени (Rullmann, Huijsmans, Matthewson et al., 2022, p. 197-198). Проблема выражения будущей референции без специальной морфологии подробно рассматривается также в работе J. V. Mendes (2024, p. 1-5, 18-34, 58-71).

Таким образом, актуальность исследования заключается в решении значимой для современного языкознания проблемы: описать, как будущее значение в разноструктурных языках формируется не только глагольной морфологией, но и взаимодействием лексических, контекстуальных и модально-дискурсивных средств. Такой подход позволяет точнее определить функциональное распределение средств выражения будущей референции и уточнить принципы сопоставительного описания темпоральной семантики в русском, турецком и татарском языках.

В соответствии с поставленной целью в исследовании решаются следующие задачи: 1) выявить средства выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках; 2) установить различия между формами будущего времени и футуративными употреблениями настоящего; 3) определить роль эксплицитных темпоральных локализаторов и модально-дискурсивных маркеров; 4) показать, на каких языковых уровнях в трёх языках конструируется будущая референция; 5) обосновать положение о том, что значение будущего формируется не только глагольной формой, но и контекстуально-прагматической организацией высказывания.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Для отбора языкового материала применялся корпусный анализ: с его помощью были выявлены контексты употребления исследуемых форм русского, турецкого и татарского языков – *пойду, буду идти, завтра иду*; *gideceğim, giderim, gidiyorum*; *барачакмын, барырмын, барам*. Данный метод позволил сформировать эмпирическую базу исследования и определить, в каких реальных речевых условиях указанные формы участвуют в выражении будущей референции.

Описательно-аналитический метод использовался для характеристики глагольных и неглагольных средств, участвующих в формировании будущего значения. С его помощью были описаны функциональные особенности морфологически маркированных форм будущего времени, футуративных употреблений настоящего времени, темпоральных локализаторов и модально-дискурсивных маркеров в каждом из сопоставляемых языков.

Контекстуальный анализ применялся для определения того, за счёт каких элементов в конкретном высказывании формируется значение будущего: глагольной формы, временного наречия, модального или дискурсивного маркера, а также более широкого контекста планирования, намерения, предположения или коммуникативного решения. Этот метод был особенно важен при анализе форм настоящего времени в футуративном употреблении, поскольку их отнесённость к будущему часто определяется не самой глагольной формой, а контекстом и темпоральными локализаторами.

Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить сходства и различия в распределении глагольных и неглагольных средств выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках. Данный метод использовался для установления того, какие средства выполняют сходные функции в трёх языках, а какие демонстрируют национально-специфические особенности и затрудняют прямое межъязыковое сопоставление.

Количественный метод применялся для подсчёта частотности темпоральных локализаторов, модально-дискурсивных маркеров и других контекстуальных средств, сопровождающих исследуемые глагольные формы. Полученные количественные данные использовались не как самостоятельная цель исследования, а как основание для функционально-семантической интерпретации распределения глагольных и неглагольных средств в корпусном материале.

Таким образом, каждый из применённых методов был соотнесён с задачами исследования: корпусный анализ обеспечил отбор материала, описательно-аналитический метод позволил охарактеризовать исследуемые средства, контекстуальный анализ выявил условия формирования будущей референции в конкретных высказываниях, сравнительно-сопоставительный метод показал межъязыковые сходства и различия, а количественный метод позволил представить распределение исследуемых признаков в корпусных данных.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Татарского национального корпуса «Туган тел» и Turkish National Corpus (TNC/TUD). Анализ основан на девяти глагольных формах со значением движения «идти» в трёх языках: рус. «пойду, буду идти, завтра иду»; тур. “gideceğim, giderim, gidiyorum”; тат. «барачакмын, барырмын, барам». Для турецкого языка были проанализированы первые 100 контекстов на каждую форму. На материале русского языка рассмотрены первые

100 вхождений формы *пойду* (99 контекстов и 1 заголовок), 96 контекстов формы *завтра иду* и 75 контекстов формы *буду идти*. В татарском материале выявлено 53 контекста формы *барачакмын*, а для форм *барам* и *барырмын* проанализированы первые 100 контекстов. Кроме того, в исследование включены 14 иллюстративных примеров, использованных для качественного анализа. Цель отбора форм состояла в том, чтобы представить основные способы выражения будущей референции: морфологически маркированное будущее, формы неопределённого/некатегорического будущего и футуративное употребление настоящего времени. При кодировании учитывались три параметра: 1) тип глагольной формы; 2) наличие эксплицитного темпорального локализатора; 3) неглагольные и контекстуальные маркеры будущей референции. При этом данные параметры распределяются в сопоставляемых языках не полностью симметрично.

Теоретическую основу исследования составили работы, посвящённые функционально-семантической организации будущего времени, соотношению времени и вида, футуративным употреблениям и контекстуальному конструированию референции к будущему. При рассмотрении русского языка учитывается положение о том, что соотношение времени и вида является определяющим фактором в интерпретации будущего значения (Зализняк, Шмелёв, 2021; Воронина, 2024). Кроме того, принимаются во внимание исследования, в которых значение будущего рассматривается в связи с модальными компонентами высказывания (Zhamaletdinova, 2023). В части, касающейся турецкого языка, опорными являются работы, согласно которым форма на «-(y)AcAk» не исчерпывает всей сферы будущей референции, тогда как формы широкого времени (*aorist*) и «-(I)yor» также способны участвовать в выражении будущего значения (İskender, 2023; Akal, 2024). В описании татарского материала исследование опирается на труды, посвящённые разграничению определённого и неопределённого будущего времени, а также роли лексических и модально-дискурсивных средств в формировании будущей референции (Лутфуллина, 2024; Лутфуллина, Мирхаев, 2025). Тем самым данная работа соотносится с современными направлениями исследований, в которых референция к будущему трактуется не только как морфологическая категория, но и как многоуровневая функционально-семантическая область.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в работах по сопоставительной грамматике русского, турецкого и татарского языков, в курсах по функциональной грамматике и семантике времени, а также в переводческой практике. Полученные выводы могут найти применение при разработке учебных материалов, посвящённых выражению будущего времени в разноструктурных языках, а также при интерпретации тех случаев, когда значение будущего формируется не только за счёт глагольной формы, но и при участии контекстуальных и прагматических факторов.

Обсуждение и результаты

В современных лингвистических исследованиях будущее время рассматривается не как одноуровневая морфологическая форма, а как функционально-семантическое поле, находящееся на пересечении темпоральности, модальности и прагматического выражения. Активация значения будущего в контексте непосредственно связана не только с морфологическими маркерами будущего, но и с дискурсивным окружением и интерпретирующим контекстом (Bodnaruk, 2023, p. 17-30). Данный подход весьма значим для сопоставительных грамматических исследований. Главная причина этого заключается в том, что в разных языках формы будущего времени, контекст, аспектуальность и коммуникативная установка говорящего вступают во взаимодействие различными способами. В связи с этим в актуальных работах фокус смещается с чисто глагольного описания будущего на контекстуальное конструирование референции к будущему и на её связь с употреблениями, не относящимися к будущему (Zhamaletdinova, 2023, p. 200-218; Воронина, 2024, с. 69-82).

В исследованиях, выполненных на материале русского языка, основное разграничение проводится между временем и видом. В славянских языках пересечение времени, вида и иллокутивного употребления показывает, что интерпретация будущего не всегда может быть объяснена исключительно через временную форму (Plungian, Rakhilina, Reznikova, 2022, p. 1012-1030). В русском языке будущее время, в отличие от некоторых других языков, не может быть сведено к оппозиции «будущее/не-будущее», поскольку форма, выражающая будущее время, одновременно тесно связана с видовой характеристикой глагола. В таком случае извлекаются не только прямые темпоральные значения, но и более сложные, зависимые от контекста интерпретации. Таким образом, объяснение будущего времени должно опираться не только на временную отсылку, но и на общую смысловую организацию высказывания. Этот подход согласуется как с современными исследованиями по русской семантике, так и с работами, изучающими отношения между временными плоскостями в русском языке (Зализняк, Шмелёв, 2021, с. 9-11, 340-345; Воронина, 2024, с. 69-82).

В турецком языке категория будущего времени тесно связана прежде всего с многоуровневой функцией формы «-(y)AcAk» и с регулярным употреблением конструкций, формально не являющихся будущим временем, но несущих значение будущего. В актуальных исследованиях показано, что форма «-(y)AcAk» сама по себе не образует систему выражения будущего; помимо неё, в этой области функциональны также аорист и настоящее время на «-(I)yor». Особенно важную роль в конструировании значения запланированного ближайшего будущего играет форма настоящего времени. Таким образом, данные турецкого языка свидетельствуют в пользу того, что референция к будущему представляет собой не просто морфологическую категорию времени, а поле, формирующееся на пересечении времени и модальности (İskender, 2023, p. 149-175; Akal, 2024, p. 110-123).

Футуративные употребления способны отсылать к будущему без эксплицитного маркера будущего времени – посредством контекста, планирования и дискурсивной рамки (Rullmann, Huijsmans, Matthewson et al., 2022, p. 197-198). Современные направления сопоставительных исследований темпоральности показывают, что референцию к будущему целесообразно рассматривать не как единую глагольную категорию, а как многоуровневую

функционально-семантическую область, в которой взаимодействуют грамматические, лексические и контекстуально-дискурсивные средства (Лутфуллина, Марзоева, Гилязиева и др., 2024, с. 185-192). В работах по татарскому языку особое внимание уделяется соотношению грамматических форм будущего времени и лексических средств, конкретизирующих временную перспективу высказывания. Так, в сфере ближайшего будущего значимую роль играют темпоральные локализаторы и грамматические формы, которые совместно участвуют в формировании футуральной интерпретации (Лутфуллина, 2024, с. 3971-3975). Кроме того, анализ речевых актов с формами будущего времени показывает, что футуральные формы в татарском языке могут выполнять не только собственно темпоральную, но и коммуникативно-прагматическую функцию, связанную с намерением, побуждением, обещанием, решением или субъективной позицией говорящего (Лутфуллина, Мирхаев, 2025, с. 5333-5340).

Таким образом, теоретическую основу данного исследования составляет положение о том, что референция к будущему интерпретируется не как совокупность одноуровневых морфологических форм, а как сложный функционально-семантический эквивалент. Этот подход образует фокус для сопоставительного анализа русского, турецкого и татарского языков, поскольку в каждом из этих языков значение будущего варьируется между разными средствами: в русском языке оно тесно связано с категорией вида и возможностью нефутуративных интерпретаций; в турецком – с пересечением времени, аспекта и модальности (tense-aspect-modality) и с продуктивным футуративным употреблением форм настоящего времени; в татарском же языке формы будущего времени конструируются во взаимодействии между модальностью и лексико-дискурсивной конкретизацией. Именно такой подход позволяет рассматривать механизмы референции к будущему в языках с разными структурными характеристиками не просто через набор форм, а через объяснение функции неглагольных грамматических средств в контексте.

1. Анализ будущего времени в русском языке

Анализ трёх различных ориентированных на будущее конструкций на материале русских глагольных форм показывает, что они несут одну и ту же функцию совершенно разным образом. В примере с синтетической формой времени «пойду» значение будущего конструируется главным образом за счёт совершенного вида глагола, тогда как в форме аналитического будущего «буду идти» это значение расширяется за счёт темпоральных маркеров, обозначающих повторяемость и регулярность. В примере с референцией к будущему посредством настоящего времени – «завтра иду» – интерпретация идентифицируется прежде всего темпоральным локализатором. В таком случае противопоставление, обеспечивающее дифференциацию будущего времени в русском языке, не сводится к простой трактовке временной формы. Различительным является то, на каком уровне в контексте задаётся референция к будущему. Дифференцируются однократное/точечное будущее, повторяющееся будущее и футуративное настоящее время.

В ходе анализа 96 контекстов было установлено, что в конструкции «**завтра иду»** эксплицитная модальность представлена весьма ограниченно: только в 7 примерах (7,3%) выявлен модальный элемент. Из них 3 (3,1%) относятся к области необходимости/долженствования, причём в этой группе «надо» (1), «нужен» (1) и «следует» (1) встречаются по одному разу. Употребления, выражающие неопределённость/предположительность, отмечены в 2 примерах (2,1%); это формы «как будто бы» (1) и «может быть» (1). Кроме того, «собираюсь» в значении намерения/готовности зафиксировано 1 раз (1,0%), а «пойдём» в значении приглашения / совместного предложения также 1 раз (1,0%). Параллельно с модальностью в 8 примерах (8,3%) наблюдается, чтоотсылка к будущему поддерживается неглагольными или эллиптическими способами. Что касается темпоральных маркеров, то в 18 примерах (18,8%), помимо *завтра*, присутствует дополнительное временное выражение. Среди этих дополнительных определителей выделяются относительные типы дня/даты – 6 примеров (6,2%); на поверхностном уровне встречаются *12-го* (1), *26-го* (1), *послезавтра* (3) и *в понедельник* (1). Определители, устанавливающие оппозицию «сегодня/сейчас», выявлены в 5 примерах (5,2%); в эту группу входят «сегодня» (4), «сейчас» (1), а также составное выражение «сегодня» или «завтра» (1). Определители, указывающие на час или часть дня, отмечены в 3 примерах (3,1%) и представлены формами «с утра» (1), к *10-ти* (1) и «с полпервого» (1). Прочие примеры с явными временными маркерами составляют количество, равное 5 (5,2%): «в следующем месяце» (1), «на целый день» (1), «завтра же» (1), «всякий день» (1) и *11 д. ц.* (1). Данные показывают, что конструкция «завтра иду» прежде всего самостоятельно формирует отсылку к будущему; дополнительные темпоральные и модальные маркеры являются вторичными и редкими.

(1) ***Завтра иду*** *к врачу* (Мацанов А. Горечь полыни на губах // Ковчег. 2013). Будущее значение актуализируется с помощью темпорального локализатора «завтра» + временной формы «иду».

(2) ***Завтра иду*** *к врачу, он будет делать УЗИ, посмотрим* (Вторая беременность: коллективный форум. 2011). Здесь целевая конструкция поддерживается аналитическим будущим временем (*будет делать*) и синтетическим будущим временем (*посмотрим*) в соседнем контексте.

В первых 100 контекстах форма «**пойду»** демонстрирует весьма сильную самостоятельную отсылку к будущему: в 59 примерах отсутствует темпоральный маркер, тогда как в 41 контексте присутствует явный временной локализатор. Это показывает, что форма «пойду» в русском языковом материале способна выражать направленность на будущее даже без поддержки наречий времени. С точки зрения структуры наиболее многочисленную группу составляют употребления со значением направления / цели / пункта назначения, они занимают первое место с 47 примерами (47,0%). За ними следуют конструкции типа «пойду + второй глагол» (*пойду спать, пойду позвоню, пойду взгляну*), которые составляют 23 примера (23,0%). На третьем месте находятся

простые или эллиптические употребления (*пойду / не пойду / я пойду*) – 19 примеров (19,0%). Идиоматизированные или абстрагированные употребления составляют 10 примеров (10,0%), а 1 пример (1,0%) носит фрагментарный/заголовочный характер.

Что касается глагольных паттернов, то чаще всего встречаются употребления с одиночной финитной формой, без другого явного глагольного центра, таких примеров 53 (53,0%). Далее следуют примеры, в которых «*пойду*» используется вместе с другими формами будущего времени, – 21 (21,0%); конструкции с инфинитивом или в сочетании со вторым глаголом – 17 (17,0%); употребления, выражающие будущее намерение в рамках повествования о прошлом, – 6 (6,0%); примеры, находящиеся в модальном или придаточном окружении, – 2 (2,0%); а также 1 пример (1,0%) фрагментарных данных. Распределение темпоральных маркеров показывает, что форма «пойду» ориентирована прежде всего на ближайшее и непосредственное будущее. Наиболее частотный временной определитель – «сейчас / сейчас же» (7). За ним следуют временные рамки, представленные придаточными с «когда» (6), затем «завтра» / «завтра же» (4), «потом» (3). Далее отмечены актуализаторы «тогда» (2), «пока»/«покамест» (2), «теперь» (2), «когда придет весна» (2). По одному разу зафиксированы: «к четвертой паре», «сегодня», «в понедельник», «утром», «на ночь», «никогда», «вчера». Примечательны также модальные и дискурсивные показатели: отрицание (*не пойду*) – 13 раз; вопрос/разрешение/вежливость – 9 раз; элементы неопределённости или оценки (*похоже, видимо, пожалуй, наверное, боюсь*) – 8 раз; дискурсивные частицы и маркеры решения (*ладно, а то* и др.) – 14 раз. При совокупном рассмотрении всех этих данных становится ясно, что форма «пойду» – это не просто словоизменительная форма, обозначающая будущее, но многофункциональная конструкция, которая передаёт также намерение, решение, переход к действию, ориентацию на момент речи и субъективную модальность.

(3) *А я с подругами* ***завтра пойду*** *на «Нотр-Дам де Пари»…* (Поход в цирк: форум. 2010 (НКРЯ)). Здесь временное наречие «завтра» выступает в качестве явного локализатора и помещает ситуацию в зону ближайшего будущего, тогда как «пойду» отражает запланированное, однократное и направленное действие.

(4) *Вы не будете против, если я* ***сейчас пойду*** *посплю?* (agd-ardin, Герда. Переписка в ICQ. 17.03.2008 (НКРЯ)). В данном примере временной показатель «сейчас» придаёт значение немедленности; вся конструкция выражает не столько собственно будущее, сколько значение «решение + вторичное действие, которое начнётся». Модель «*пойду* + глагол» функционирует как разговорный, частично грамматикализованный, полувспомогательный паттерн.

Поскольку в результате поиска по корпусу для конструкции «буду идти» было обнаружено в общей сложности 75 контекстов, оценка проводилась на основе имеющихся 75 примеров. Результаты, основанные на анализе первых 75 контекстов, показывают, что данная конструкция не является формой будущего времени, жёстко привязанной к календарным временным наречиям; скорее, она функционирует, реализуя значения процессуальности, направленности, длительности и прогрессива. Действительно, в узком смысле лексический темпоральный маркер встречается только в 21 контексте (28,0%), тогда как в 54 контекстах (72,0%) отсутствует временное наречие. Однако если принять во внимание элементы, задающие более широкие временные рамки – например, союзные конструкции типа «когда, пока, до тех пор пока», выражения, обозначающие границы длительности, а также контекстуальные ориентиры времени, – то число темпорально маркированных примеров возрастает до 32 (42,7%). Это демонстрирует, что форма «буду идти» способна формировать значение будущего не только с помощью темпоральных наречий, но и через внутреннюю структуру высказывания и контекстуальное окружение.

Распределение темпоральных маркеров также показывает, что конструкция является устойчивой с несколькими фиксированными наречиями. Календарные / дейктические / маркеры времени события встретились в 6 контекстах (8,0%); в эту группу вошли такие, как «завтра», «сегодня», «летом», «в воскресенье». Наречия фазы, следования и предшествования также выявлены в 6 контекстах (8,0%); эту группу составили единицы типа «после этого», «теперь», «раньше», «впредь», «затем». Выражения длительности и непрерывности отмечены в 4 контекстах (5,3%); этой функции служат актуализаторы времени «долго», «полчаса», «всё время», «три дня». Наречия привычности и повторяемости встретились только в 2 контекстах (2,7%); здесь выделяются «всегда» и «снова». Маркеры ближайшего будущего отличаются ограниченным употреблением – всего 2 контекста (2,7%); в эту группу попало наречие «скоро». Употребления, открывающие горизонт отдалённого будущего, зафиксированы лишь в 1 контексте (1,3%); такие случаи представлены проекциями типа «через пятьдесят лет» / «через сто лет». Обращает на себя внимание тот факт, что распределение не концентрируется вокруг нескольких высокочастотных элементов: «лишь и дальше», «теперь» и «всегда» встречаются по два раза, тогда как большинство темпоральных маркеров представлены единичными употреблениями.

Что касается глагольного окружения, форма «буду идти» демонстрирует профиль будущего, который функционирует скорее совместно с другими формами, нежели как самостоятельное завершённое будущее действие. В 37 примерах (49,3%) конструкция используется вместе с другими формами будущего времени. Это показывает, что аналитическая форма будущего часто не является единственным показателем будущего в предложении; напротив, она образует цепочки с другими формами будущего. Лишь в 19 контекстах (25,3%) конструкция выступает как одиночное сказуемое, без явного сопровождающего глагольного окружения. В 12 контекстах (16,0%) она употребляется вместе с настоящим-простым (настоящее время несовершенного вида в значении настоящего или будущего), повелительным наклонением или модальным окружением. Употребление, направленное на будущее в рамках повествования о прошлом, отмечено в 7 контекстах (9,3%). Это распределение показывает, что форма является не просто календарно-будущим шаблоном, а функционирует в более широкой нарративной и дискурсивной организации.

Данные, полученные в отношении модальности и типа высказывания, также подтверждают вышеуказанную тенденцию. Наиболее заметной группой является метафорическая/абстрактная репрезентация «пути, линии, направления»: такое употребление встретилось в 19 контекстах (25,3%), что показывает способность конструкции обозначать не только физическое движение, но и абстрактные значения прогресса, такие как жизненный путь, установка, линия поведения или решимость. Употребления с модальным характером условия/предположения выявлены в 10 контекстах (13,3%); в этих примерах будущее строится не как прямое определённое событие, а как вероятность, зависящая от некоторого условия или предположения. Употребления со значением интенсивной длительности/повторяемости встретились в 12 контекстах (16,0%); тем самым усиливается семантика процессуальности и продолжающегося прогрессива. Употребления в области деонтической необходимости / запрета / обязательности оказались более ограниченными и зафиксированы только в 4 контекстах (5,3%). Таким образом, в корпусном материале «буду идти» предстаёт не как простая будущая форма, переносящая физическое действие вперёд, а как многофункциональная аналитическая конструкция, сочетающая в себе слои процессуальности, направленности, метафорического прогрессива, кондициональности и, в меньшей степени, долженствования.

(5) ***Завтра**, так же как и сегодня, я **буду идти** по этим же изученным до последней вывески улицам…* (Паустовский К. Г. Книга о жизни. Далекие годы. 2007 (НКРЯ)). Здесь «завтра» выступает как явный локализатор ближайшего будущего, а форма «буду идти» обозначает не момент достижения цели, а длительное действие, отнесённое к будущему.

(6) ***Впредь** я **буду идти** своей дорогой, буду сама решать, что мне делать и как делать* (Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 2. Когда часы жизни остановились. 1964 (НКРЯ)). Здесь «впредь» маркирует дальнейшую перспективу, а сочетание «буду идти своей дорогой» имеет переносное значение и передаёт самостоятельный жизненный выбор; форма «буду решать» дополнительно подчёркивает волеизъявление говорящего.

2. Анализ будущего времени в турецком языке

Анализ, проведённый на корпусных данных турецкого языка, отчётливо показывает, что референция к будущему не может быть сведена к единому морфологическому маркеру. Три различные глагольные формы демонстрируют разные функции в референции к будущему: форма будущего времени “gideceğim” (‘буду идти / пойду’) является носителем морфологического будущего времени; форма настоящего времени с референцией к будущему “gidiyorum” (‘иду’) обнаруживает сильное футуративное употребление в сфере запланированного ближайшего будущего; форма аориста-настоящего / широкого времени “giderim” (‘хожу/пойду’) представляет собой более гибкую структуру, формирующую референцию к будущему в зависимости от контекстуальных интерпретаций и не признаваемую автоматически будущим временем без вспомогательных морфологических средств и контекстуальных выводов. Референция к будущему распределяется между глагольной формой, темпоральным наречием, контекстуальным планированием и модальностью. Особенно заметно различие между употреблением морфологической формы будущего времени “gideceğim” и интерпретацией референции к будущему формой настоящего времени “gidiyorum”, которое делает видимым противопоставление между морфологическим будущим и футуративным настоящим временем.

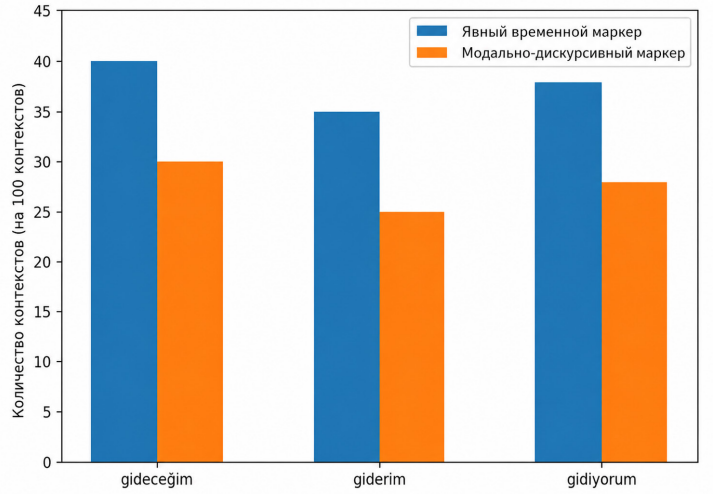

Рисунок 1. *Количественные данные о соотношении контекстов с формами gideceğim (‘буду идти / пойду’), giderim (‘хожу/пойду’), gidiyorum (‘иду / (завтра) иду’), в которых присутствуют различные маркеры*

Важнейшим результатом количественного распределения, полученного на корпусных данных турецкого языка, является то, что форма будущего времени “gideceğim” (‘буду идти / пойду’) формирует наиболее насыщенный профиль будущего – как за счёт собственной морфологии, так и вместе с окружающими грамматическими средствами. Напротив, снижение показателей у формы аориста (широкого времени) “giderim” (‘хожу/пойду’) отражает тот факт, что прочтение будущего у этой формы часто не фиксируется без темпорального

наречия, порядка действий или контекста планирования. Форма настоящего времени “gidiyorum” (‘иду’) не остаётся исключительно настоящим временем, а регулярно принимает на себя значение запланированного/ближайшего будущего вместе с такими локализаторами, как “yarın” (завтра), “yakında” (скоро), и им подобными. Данный вывод показывает, что футуративное настоящее время в турецком языке обладает не исключительным, контекстно-зависимым, редким значением будущего времени, а продуктивной зоной употребления.

(7) ***Yarın*** *malzeme almaya* ***gideceğim*** *için dükkânda olmayacağım* (TUD, W-OA16B2A-1253-790). / ***Завтра*** *я* ***поеду*** *покупать материалы, поэтому меня не будет в магазине.* В данном примере референция к будущему создаётся глагольной формой “gideceğim” (-EcEk) в сочетании с темпоральным наречием “yarın” (завтра). Кроме того, использование вспомогательного глагола в формах “almaya” и “olmayacağım” помещает предложение в целостный план будущего.

(8) ***Haftaya giderim*** *diyorsun, bugün şu işimi yapayım* (TUD, ID: W-UA16B4A-1185-636). / *Ты говоришь: «****На следующей неделе поеду****», а сегодня дай я сделаю это дело.* В данном примере основным элементом, определяющим прочтение будущего у формы аориста (широкого времени) “giderim” (-Ir), является темпоральный локализатор “haftaya” (на следующей неделе). Поскольку широкое (аористное) время само по себе слабо референцирует к будущему, оно должно взаимодействовать с другими морфологическими вспомогательными средствами.

(9) *Oğlum ben* ***yarın gidiyorum*** *ya!* (TUD, W-RA16B3A-0257-1101). / *Сынок, я же* ***завтра уезжаю!*** В данном примере форма настоящего времени “gidiyorum” (-yOr), хотя формально и является настоящим временем, приобретает отчётливую футуральность из-за наречия “yarın” (завтра). Данное употребление характерно для действий, помещённых в более близкую перспективу и несущих высокую степень запланированности или определённости.

(10) ***Yakında*** *başkentte bir toplantıya* ***gidiyorum.*** *Bunu orada da* ***dile getireceğim*** (TUD, W-EA14B1A-1616-1348). / *В ближайшее время я еду на встречу в столицу. Я скажу это и там.* В данном примере две формы будущего времени использованы в следующих друг за другом предложениях. В то время как темпоральный маркер “yakında” (в ближайшее время) создаёт значение будущего в ближайшей зоне, форма настоящего времени “gidiyorum” (-yOr) отсылает к этому значению; форма же “dile getireceğim” (скажу) во втором предложении дополнительно усиливает данную интерпретацию и не содержит никакого дополнительного темпорального маркера. Таким образом, «gidiyorum», хотя формально и является настоящим временем, на уровне интерпретации переносится в ось будущего и, взаимодействуя с морфологической формой будущего времени, может часто образовывать чередующиеся или последовательные предложения.

3. Анализ будущего времени в татарском языке

Корпусное исследование татарского языка показывает, что три формы, принадлежащие к одной сфере будущего, не вступают в равные отношения с неглагольными маркерами. Поскольку форма будущего времени *барачакмын (-ачак*; рус. будущее определенное / тат. билгеле киләчәк заман) обеспечивает морфологически сильную референцию, темпоральные наречия и дискурсивные элементы чаще всего лишь повышают определённость или категоричность этого будущего; в форме «барам» (‘иду’) («-а/-ә»; рус. форма настоящего времени / тат. хәзерге заман, в контексте – футуративное настоящее) прочтение будущего идентифицируется главным образом через темпоральное наречие; форма же «барырмын» («-ыр»; рус. будущее неопределённое время / тат. билгесез киләчәк заман) более интенсивно реализуется с помощью модально-дискурсивных маркеров. Таким образом, в татарском языке будущее время конструируется в тесной связи не только с глагольными формами, но и с эпистемическим и дискурсивным маркерами. Особенно форма *барырмын* демонстрирует более гибкий профиль, совмещающий зоны возможности, согласия, принятия решения и смягчённого обязательства.

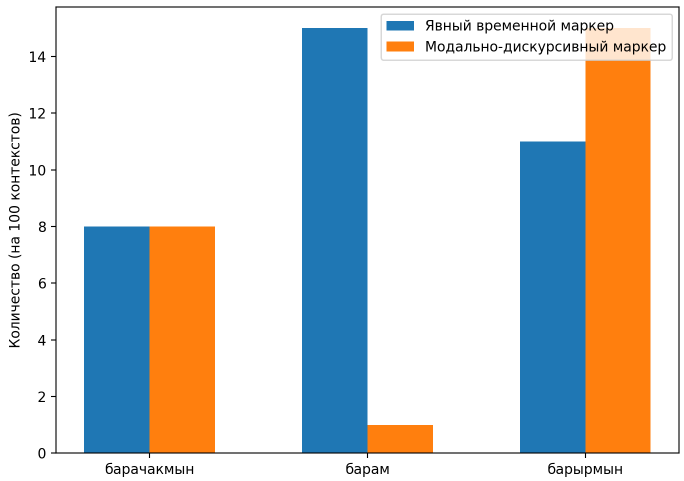

Рисунок 2. *Количественные данные о соотношении контекстов с формами «барачакмын» (‘буду идти / пойду’), «барам» (‘иду / (завтра) иду’), «барырмын» (‘вероятно, пойду / буду идти’), в которых присутствуют различные маркеры*

Количественное распределение в татарском языке отражает, что основное различие между «барачакмын» и «барам» является важным не только в морфологическом плане, но и с точки зрения степени контекстуальной зависимости. Поскольку форма неопределенного будущего / билгесез киләчәк заман «барачакмын» уже предполагает референцию к будущему, значение неглагольных маркеров будущего носит дополнительный (а не основной) характер по отношению к ней; напротив, в форме настоящего времени «барам» внешние маркеры имеют конститутивный (основной) характер. Более высокая частотность модально-дискурсивных маркеров по сравнению с темпоральными наречиями в форме неопределённого будущего / билгесез киләчәк заман «барырмын» показывает, что хотя эта форма морфологически выражает референцию к будущему, однако по своей функции маркирует такие модальные области, как предположение, согласие, решение и отношение говорящего. Это свидетельствует о том, что референция к будущему в татарском языке конструируется на пересечении осей времени и модальности, причём данная модальная дифференциация наиболее отчётливо проявляется именно в форме неопределённого будущего / билгесез киләчәк заман.

(11) *Туеңа, һичшиксез,* ***барачакмын*** (Шәрипов С. Хушлашмыйм: роман). / *Я непременно* ***приду*** *на твою свадьбу.* В данном примере значение будущего формируется с помощью формы «определенного будущего / билгеле киләчәк заман». Элемент «һичшиксез» (‘несомненно, безусловно’) активируется как дискурсивный неглагольный маркер, усиливающий это будущее с точки зрения определённости и решительности.

(12) *Нурмый, мин бит* ***иртәгә*** *докторга* ***барам*** (Гыйззәт. Сайланма әсәрләр. 2 том). / *Нурмый, я ведь* ***завтра иду*** *к врачу.* В данном примере форма «настоящего времени / хәзерге заман (-а)» «барам» сама по себе не обеспечивает обязательной референции к будущему; основным элементом, конструирующим прочтение будущего, является локализатор «иртәгә» (‘завтра’). Поэтому данное предложение представляет собой явный пример футуративного употребления, идентифицируемого контекстом через форму настоящего времени.

(13) *Шунда* ***барырмын****, мөгаен* (Тимергалин А. ИГЕЗӘКЛӘР). / *Наверное, я* ***пойду*** *туда.* В данном примере элемент «мөгаен» (‘наверное’) отражает не просто передачу будущего времени глагола как «действия, которое произойдёт в будущем», но также показывает модальное значение. Говорящий выражает своё предположение, допущение, умозаключение, оценку вероятности относительно данного события, то есть зону эпистемической неопределённости. Таким образом, форма «неопределённого будущего / билгесез киләчәк заман» «барырмын» формирует не твёрдое обязательное прочтение будущего, а с оттенком предположения.

(14) *Ярый,* ***иртәгә*** *үзем* ***барырмын*** (Михалков С. КЫЗЫЛ ГАЛСТУК, тәрҗемә). / *Хорошо,* ***завтра*** *я сам* ***пойду****.* В этом предложении «иртәгә» (‘завтра’) задаёт временные рамки, а «ярый» (‘хорошо’) указывает на то, что решение принимается в момент речи. В итоге референция к будущему конструируется через двухуровневое соединение временного и дискурсивного маркеров.

При сопоставительном рассмотрении трёх языков можно констатировать, что эксплицитные темпоральные локализаторы наиболее частотны в сочетании со структурами, где временная локализация уже маркирована глаголом, а дополнительное её сужение осуществляется лексическими средствами (как, например, использование темпоральных наречий «завтра/yarın/irtege» при референции к ближайшему будущему), либо со структурами, где глагол сам по себе неспособен установить референцию к будущему, маркирование будущего реализуется с помощью неглагольных средств.

Проведённое исследование выявило следующие ключевые закономерности в системе выражения будущего времени в русском, турецком и татарском языках:

1. Исследованные формы различаются по степени морфологической самостоятельности и зависимости от контекста.

2. Формы «пойду», “gideceğim” (морфологически маркированное будущее время) и «барачакмын» (форма определенного будущего времени) в большей степени выражают будущую референцию за счёт собственной морфологии.

3. Формы «завтра иду», “gidiyorum” (форма настоящего времени в футуративном значении) и «барам» (форма настоящего времени в футуративном употреблении) обычно получают футуральную интерпретацию при поддержке эксплицитного темпорального локализатора.

4. Формы «буду идти», “giderim” (форма аориста с контекстуально обусловленной будущей референцией) и «барырмын» (форма неопределённого будущего времени) в большей степени зависят от контекста и дополнительных лексико-дискурсивных средств.

5. Тем самым будущая референция во всех трёх языках формируется не только за счёт глагольной формы, но и при участии временных локализаторов, контекста и прагматико-дискурсивной организации высказывания.

Заключение

Проведённое исследование позволило охарактеризовать механизм формирования будущей референции в русском, турецком и татарском языках при взаимодействии глагольных и неглагольных средств. Корпусный анализ девяти глагольных форм показал, что выражение будущего значения в сопоставляемых языках распределяется между несколькими языковыми уровнями: морфологическим, лексическим, контекстуальным и модально-дискурсивным.

Во-первых, в результате анализа выявлено, что будущая референция в русском, турецком и татарском языках формируется не только специализированными формами будущего времени, но и футуративными употреблениями настоящего, эксплицитными темпоральными локализаторами, контекстом планирования и модально-дискурсивными маркерами.

Во-вторых, выявлены функциональные различия между исследованными формами: **«пойду»** (*форма синтетического будущего времени*), **“gideceğim”** (*форма морфологически маркированного будущего времени*) и **«барачакмын»** (*форма определенного будущего времени*) в большей степени выражают будущее за счёт собственной морфологии, тогда как **«завтра иду»** (*форма настоящего времени в футуративном употреблении*), **“gidiyorum”** (*форма настоящего времени в футуративном значении*) и **«барам»** (*форма настоящего времени в футуративном употреблении*) обычно получают футуральную интерпретацию при поддержке временного локализатора; формы **«буду идти»** (*форма аналитического будущего времени*), **“giderim”** (*форма аориста с контекстуально обусловленной будущей референцией*) и **«барырмын»** (*форма неопределённого будущего времени*) в большей степени зависят от контекста и дополнительных интерпретирующих средств.

В-третьих, показано, что будущая референция в трёх языках конструируется на морфологическом, лексическом и прагматико-дискурсивном уровнях.

В-четвёртых, обосновано положение о том, что значение будущего формируется не только глагольной формой, но и взаимодействием временной локализации, модальности и контекста.

Таким образом, будущая референция в русском, турецком и татарском языках представляет собой многоуровневую функционально-семантическую область.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса, привлечением новых глагольных лексем и включением различных типов дискурса. Особый интерес представляет дальнейшее изучение взаимодействия будущей референции с модальностью, аспектуальностью и прагматикой в русском, турецком и татарском языках.

Материалы исследования | Research materials

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). https://ruscorpora.ru
2. Татарский национальный корпус «Туган тел». https://tugantel.tatar
3. Turkish National Corpus / Türkçe Ulusal Derlemi (TNC/TUD). https://www.tnc.org.tr

Источники | References

1. Воронина Т. М. Настоящее – прошлое – будущее в русском языке: связи и оппозиции // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 3.
2. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Исследования по русской и компаративной семантике. М.: ЯСК, 2021.
3. Лутфуллина Г. Ф. Выражение ближайшего будущего лексическими и грамматическими средствами татарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 11. https://doi.org/10.30853/phil20240559
4. Лутфуллина Г. Ф., Марзоева И. В., Гилязиева Г. З., Назарова И. П., Демидкина Д. А. Современные направления сопоставительных исследований темпоральности // Современный ученый. 2024. № 4. https://doi.org/10.58224/2541-8459-2024-4-185-192
5. Лутфуллина Г. Ф., Мирхаев Р. Ф. Речевые акты с формами будущего времени во французском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 12. https://doi.org/10.30853/phil20250721
6. Akal T. Plain and Progressive Futurates in Turkish // Cankaya University Journal of Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 18. № 1. https://doi.org/10.47777/cankujhss.1436908
7. Bodnaruk E. V. Actualization of the Future Meaning in English Literary Discourse // NSU Vestnik. Series “Linguistics and Intercultural Communication”. 2023. Vol. 21. № 3. https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-17-30
8. İskender H. The Enigma of the Turkish Morpheme -(y)AcAk: A Disquisition on Tense-Aspect-Modality Interpretations / Türkçede -(y)AcAk Muamması: Zaman-Görünüş-Kiplik Yorumlamaları Üzerine Bir Tahkik // Nesir: Edebiyat Araştırmaları Dergisi. 2023. № 5. https://doi.org/10.5281/zenodo.8402899
9. Mendes J. V. Future Reference “Without” Future Morphology: PhD dissertation. College Park, MD: University of Maryland, 2024. https://doi.org/10.13016/vg2p-iilk
10. Plungian V. A., Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Perfective, Performative and Present: Some Non-Standard Combinations in Slavic and Beyond // Russian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 26. № 4. https://doi.org/10.22363/2687-0088-31252
11. Rullmann H., Huijsmans M., Matthewson L., Todorović N. Why Plain Futurates Are Different // Linguistic Inquiry. 2022. Vol. 54. № 1. https://doi.org/10.1162/ling_a_00435
12. Zhamaletdinova E. When Modality and Tense Meet: The Future Marker budet ‘will’ in Impersonal Constructions with the Modal Adverb možno ‘be possible’ // Scando-Slavica. 2023. Vol. 69. № 2. https://doi.org/10.1080/00806765.2023.2271900

Информация об авторах | Author information

RU

Оздемир Сибель[1]
[1] Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

EN

Sibel Ozdemir[1]
[1] Linguistics University of Nizhny Novgorod

[1] *sibelllozdemr@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.04.2026; опубликовано online (published online): 12.05.2026.

Ключевые слова (keywords): будущая референция; функционально-семантическое поле будущего; глагольные и неглагольные средства выражения будущего; футуративное настоящее; временные локализаторы; future reference; functional-semantic field of the future; verbal and non-verbal means of expressing the future; futurate present; temporal localizers.